

Лев Лунц

5 мая 1924 г. вдали от России, на больничной койке в Гамбурге, оборвалась жизнь молодого талантливого прозаика, драматурга, филолога, литературного и театрального критика Льва Лунца, умершего 23 лет от роду. Он был смелым изобретателем в литературе, экспериментатором, но литературная деятельность его была недолгой (1919—1924), и трудно представить, как бы сложилась его творческая судьба. Горький считал, что «он обладал бесспорным талантом драматурга. Живи он, работай, и, наверное, русская сцена обогатилась бы пьесами, каких не имеет до сей поры. В его лице погиб юноша, одаренный очень богато». На долю Льва Лунца выпала жестокая смерть: он был прикован к постели, обреченный на неподвижность. А движение было смыслом его жизни, творчества, его коньком. Для тех, кто его знал, имя Лунца было наполнено радостью. «Мы не знали в последние годы другого имени, которое так легко и просто несло бы с собой столько бодрой, веселой силы», — вспоминал о нем К. Федин. — Это имя — рычаг, включивший сомнения, заботу и усталость. Лев Лунц только что начал жить. Он сделал первый веселый и уверенный шаг. Он поднял голову вровень молодыми лицами, замелькавшими в новой жизни после опустошительных, тяжелых лет, он видел, как эти лица повернулись к нему и как улыбка радости расправила их жесткие морщины. <...> Лунц должен был стать драматургом. Где, как не в театре, движется каждый атом действия? Где, как не в театре, можно развернуть бесконечные ряды жестов, на-

сытив их страстью и пафосом? Лунц написал две трагедии, однако высидев в пустыне драматического бесплодия наших дней. Это «Вне закона» и «Вертер де Борн». Трагедии романтические.

«Вне закона» он написал в 1919—1920 гг. После «Сына шейха» это вторая пьеса. В ней рассказывается о революции в Сьюдаде. Герцог Филипп, слабый и хилый, — титулованный правитель города, его же фактический правитель — сильный и деспотичный канцлер Родриго. Народ угнетен и поправ его законами, а вернее, беззаконием и тиранией. Алонсо, бывший каменотес, ставший разбойником, завоевывает симпатии народа, но не дает покоя герцогству, а потому объявлен вне закона: каждый имеет право преследовать его, убить, взять себе его имущество. Алонсо принял этот приговор, подражая под ним свободу для себя от любых ограничений. Его устраивает положение человека «вне закона». И сам он считает, что раз и навсегда нужно вырвать с корнем все законы: «Каждый будет править самим собой!» «Никаких законов, кроме законов чести!» «Это значит, что не будет насильников и не будет рабов! Не будет дворян и не будет тюрем. Все будут вне закона».

Его возлюбленная Клара, любовница канцлера, подстрекает Алонсо на убийство Родриго, убеждает его воспользоваться трюном якобы для освобождения народа, стать его вождем — освободителем, властелином. Революция совершилась. Победа одержана. Но народ забывает эти законы чести: убийства, грабежи,

пожары, опустошенный город... Алонсо не в силах обуздать людей, остановить их разрушительную силу. Убедившись, что равенство не может распространяться на всех, анархические идеалы его потерпели крушение, он, достигнув власти, наложил ярмо всех тех же законов на своих подвластных, оставаясь сам вне законов.

Хотя в пьесе имена испанские, трагедия эта вовсе не из испанской жизни. Сюда по-испански — город вообще, нет точно установленного времени и пространства. Испания условна. Но писать, как признался автор, «с абсолютно вымышленными именами, без всяких указаний на костюм, на бутафорию, — значит загубить пьесу для сцены». А для него «важна не литературная, а только сценическая сторона пьесы». «Когда я писал эту трагедию, подчеркнул он, — я ее видел, а не думал о ней. Пусть же простит мои промахи читатель, зритель прощать не должен. Я пытался разрешить трудную задачу: начав водевилем, — кончить трагедией. Я хотел сделать этот переход органическим: он вытекает из основной идеи пьесы».

«Вне закона» не просто романтическое отражение времени, а попытка Лунца написать для театра современную пьесу, используя старую театральную технику, одна из немногих пьес в русской драматургии того времени, соответствовавших требованиям Мейерхольда и «подлинному театру, театру современности». Здесь все: интрига, фабульность, движение, непрерывность стремительно развивающегося действия, романтика — бешеная, неистовая, «рвущая страсть в клочки», участвуют в ней страсти, «а не чувства», герои, а не люди, «правда трагическая, а не правда житейская», стремление дать

использованы приемы кинематографа. Стиль пьесы живой, хорошо просматривается основная мысль: «в руках человека, обладающего властью, закон — насилие над народом, и только он один — вне его. Но и с человеком, имеющим неограниченную власть, закон бывает несправедлив. Закон никого не минует, также как без него никто не может быть счастливым и спокоен».

В Шкловский в 1920 г. считал «Вне закона» лучшей пьесой сезона. Она была включена в репертуар Александринского театра, но уже на генеральных репетициях была запрещена. Сама пьеса оказалась «вне закона». Причина — партийная политика театров и несоответствие пьесы официальной идеологии. В ней усматривались политически вредные тенденции, что вызвало протест Луначарского. Признавая талант Лунца, он подверг его резкой критике за неверный путь в изображении революции, о чем он и написал А. И. Южину, не советуя ему ставить ее в Малом театре: политически она вызовет скандал. Горький опубликовал ее впервые в 1923 г. в берлинском журнале «Веседа» (№ 3), издаваемом им вместе с В. Ходасевичем. Она была переведена на иностранные языки и поставлена в Праге, Кельне, Палестине. Пиранделло считал ее «превосходной сценически и динамично... лучшей пьесой, пришедшей из России в последние годы». Роли героев в ней написаны по всем правилам мелодрамы. Искусно построена она в сочетании двух исконно-театральных элементов — буффонады и мелодрамы. Материал блестящий и для постановщика и для актеров.

Галина Матвеева

Картина вторая

Комната доньи Клары Урсино. Донья Клара. Через трубу влезает Алонсо.

Алонсо. Привет!
КЛАРА. Святая дева!
Алонсо. Простите, синьора, труба несколько испортила мой туалет.
КЛАРА. Кто это?.. Как вы смеете?.. Через трубу!
Алонсо (в сторону). Ах, отчего я не знаю, как ее зовут? (Кларе.) Синьора! Это мой обычный путь.
КЛАРА. Синьор! Вы... вы разбойник?
Алонсо. Вы угадали!
КЛАРА. Эй, слуги! Педро! Хайме! Где вы? Сюда!
Алонсо. Синьора! Умоляю вас...
КЛАРА. Сюда! Сюда!
Алонсо. Синьора, во имя бога! (Хватает ее за рукав.)
КЛАРА. Сюда! Я не боюсь вас!
Алонсо. Хорошо, зовите слуг, синьора. Пусть схватят меня, пусть казнят, я буду страдать — ради Вас! Я пойду на смерть — ради вас! И умираю, я буду думать — о вас! (В сторону.) Полжизни зато, чтобы узнать, как ее зовут. (Мечется по комнате. Громко.) Но я буду молчать. Когда меня схватят, я буду молчать. Я не скажу, что привело меня сюда, в эту комнату. Пусть думают, что я вор. (Подбегает к столу. Про себя.) Письмо доньи Констансе Орреас. (Бросается на Клару, падает на колени.) О донья Констанса Орреас! Я люблю вас! Вы не знаете меня, вы видите меня в первый раз, но, кланюсь небом, вот уже два года, как я люблю вас. Два года тому назад я увидел вас в церкви, и мое черствое закаленное сердце поняло, что дни его свободы сочтены. О, донья Констанса! Два долгих мучительных года тайной, скрытой, но страстной любви, и вот я открыл вам. О, донья Констанса! Сжалось надо мной. Моя жизнь в ваших руках. Зовите слуг, убейте меня, но дайте мне поцеловать вашу руку...
КЛАРА. Синьор! Вы произнесли великолепную речь. Но вы чуть-чуть ошиблись. Хотя вы меня страстно любите уже два года, но вы меня видите сегодня в первый раз.
Алонсо. Вы оскорбляете меня, донья Констанса!
КЛАРА. Я совсем не Констанса, а Клара! Алонсо. О тысяча дьяволов! Простите, синьора. Я ошибся. Я не туда попал. Я думал, что это донь синьоры Канстансы Орреас.
КЛАРА. Вы любите донью Констансу?
Алонсо. Я боготворю ее уже три года...
КЛАРА. Три? Только что было два?.. Я очень рада. Донья Констанса это будет очень приятно. Ее уж давно никто не любил. Ей восемьдесят шесть лет. Это моя бабушка.
Алонсо. О черт! Все силы неба ополчились против меня, что ли? Синьора, простите меня. Я ошибся, я не туда попал.
КЛАРА. Нет, синьор, вы не ошиблись. Вы попали, куда хотели. Вы хотели влезть в этот дом и влезли в него. Только вы ошиблись, читая вот то письмо, что лежит на столе. Вы думали, оно ко мне, а оно от меня. Алонсо. Синьора! Вы победили меня. Сдаюсь. Зовите слуг.
КЛАРА. Нет, синьор, я не сделаю этого. Я люблю смелых и находчивых людей. Вы мне нравитесь.
Алонсо. О, вы мне тоже нравитесь, синьора. Клянусь, что если я не люблю вас три года, то люблю три минуты и люблю по настоящему.

Донья Клара - 1992 - и 2 - с. 6

ВНЕ ЗАКОНА

Трагедия в 5 действиях и 7 картинах

Действующие лица

РОДРИГО — канцлер сьюдадский
КЛАРА — графиня Урсино
АЛОНСО ЭНРИКЭС — разбойник

Чения. Не все дворяне похожи на Клару Урсино. Тем больше чести для тебя, что ты, графиня, полюбила разбойника.

КЛАРА. Да! Я полюбила разбойника, который поносил меня. Я Клара Урсино.

Алонсо. Что?.. Кто? Клара?..

КЛАРА. Я — Клара Урсино.

Алонсо. Ложь!

КЛАРА. Я тебе поверила, что ты простой разбойник, отчего же ты не веришь, что я простая... потаскушка?

Алонсо. Ложь!

Стук в дверь.

КЛАРА. Вот тебе доказательство.

Алонсо. Кто там?

КЛАРА. Родриго!

Алонсо. Канцлер!

КЛАРА. Он.

Алонсо (после короткого молчания). Так. Я понимаю. Хорошо. Он умер.

КЛАРА. Ты слишком быстро. Убить всегда успеешь. Зайди сюда. (Хочет отвести его за ширму, хватая за рукав.)

Алонсо (брезгливо выдергивает руку). Не трогайте... графиня!

КЛАРА. Ах так? Ну хорошо... Послушайте, дон Алонсо, разбойник! Вы только что... ну, скажем, уважали меня. Уважайте же меня еще десять минут.

Алонсо (прямая). Но смотрите, если вы выдадите меня...

КЛАРА. Нет, Алонсо, вы не каменотес. Вы принц Алонсо!

Алонсо. Опять, синьора? Вы оскорбляете меня.

КЛАРА. Нет, ты принц! Ты принц! И я люблю тебя!

Алонсо. Ха-ха! (Бросается к ней.)

КЛАРА. Но я дворянка! Больше — графиня.

Алонсо. Что ж? Для правил есть исклю-

давно не приходили ко мне, Родриго.

РОДРИГО. Я занят. Я устал, Клара. (Снимает шапку и садится.) Я устал. Днем и ночью, утром и вечером — одно и то же. Нелегко быть укротителем диких зверей.

Молчание.

Клара! Когда стоишь в клетке и видишь, как они лижут твои руки!.. Не страх, а гордость в душе, победа! Но когда я выхожу из клетки, когда я не вижу своих зверей, а думаю о них, вот сейчас...

КЛАРА. Вы брешете, Родриго?

РОДРИГО. Нет, я не боюсь. Я устал, а укротитель не должен уставать. Когда я не вижу своих зверей, мне кажется, что когда-нибудь они разорвут меня.

КЛАРА. Зачем такие грустные мысли, мой Родриго?

РОДРИГО. Да, вы правы. Я пришел сюда не для того, чтобы плакать. Но я так устал.

КЛАРА. Присядьте к огню, Родриго. Вот так. Мой дорогой!

РОДРИГО. Клара! Вы мое единственное утешение.

КЛАРА. Зачем же говорить это таким... Милый, что с вами?

РОДРИГО. Я не знаю... Я, кажется, боюсь... Но чего — не знаю. Я боюсь всего...

КЛАРА. Стыдитесь! Вы, который никогда ничего не боялся...

РОДРИГО. Я не боюсь их когтей, боюсь их глаз. Они трусы, но нет ничего страшнее, чем глаза трусов. Когда я иду по улице, они смотрят на меня. Когда я поворачиваюсь к ним спиной, я чувствую их глаза. Глаза трусов! Это хуже шпала! Вот сейчас... Тысячи глаз, глаза всего герцогства, трусливые, рабские глаза, бессильные! Я боюсь их, Клара!

КЛАРА. Родриго!

РОДРИГО. Днем и ночью, утром и вечером — одно и то же. О, вырвать бы их глаза, все глаза! (Молчит, смеется.) Старость, Клара. Старческие страхи. Никогда этого не будет. Разве смогут трусы восстать. Зверьям — звериная жизнь. В клетке... хороший бич, и все...

КЛАРА. Мой славный укротитель! (Плещется к нему.)

РОДРИГО. Я не боюсь ничего. Поцелуйте меня, Клара... Так... Крепче. Только мне надоело работать на других. Если бы это были мои звери! Я должен укротить их для другого. Этот герцог, этот старый глупец. И я должен работать на него. Почему он герцог, а не я? Почему престолы для дураков? О, Клара, если бы я был герцогом!

КЛАРА. Но ведь вы и так всемогущий, мой Родриго.

РОДРИГО. Это нето. Каждый день ходить к коронованному старику, кланяться, унижаться, когда знаешь, что ты больше и сильнее его.

КЛАРА. Отчего же вы не станете герцогом, мой Родриго?

РОДРИГО. Я? Герцогом?

КЛАРА. Да. Герцогом! Отчего вы не свер-

гнете Филиппа? Ведь вы можете. Войско знает только вас. Никто не слушается герцога.

РОДРИГО. Опомнитесь!

КЛАРА. Вы будете герцогом, великим герцогом! Посмотрите на наш город. Он мал и ничтожен. Будете герцогом, будьте! И наше герцогство станет первым!

РОДРИГО. Предать господина?..

КЛАРА. Какой он вам господин? Родриго, будьте мужчиной! Вы должны свергнуть Филиппа! Вы должны...

РОДРИГО. Да, я должен и буду герцогом! Подождите. Подождите... я сброшу Филиппа. Я сам стану герцогом... нет, королем! Никому не подчиняться, никому! Быть свободным! Тогда они увидят, тогда...

КЛАРА (обнимая его колени). И тогда я стану королевой! Правда? Правда?

РОДРИГО. Вы?

КЛАРА. Вы женитесь на мне, Родриго, правда? Да? Да? Женитесь?

РОДРИГО. Клара!

КЛАРА. Ваша жена умерла. Король должен жениться. Я буду вашей королевой? Да? Правда? (Целует его.)

РОДРИГО. Но, Клара... Вы...

КЛАРА. Я — потаскушка? Да? Я знаю. Я знаю все. Король непристойно жениться на своей фаворитке. Ее нужно держать так, между прочим: любовница! А жениться на принцессе, на глупенькой, на уродливой, но царской крови. Да?

РОДРИГО. Клара! Что с вами?

КЛАРА. Со мной ничего. Я только... так. Я просто...

РОДРИГО. Клара! И вы тоже? Я устал. Я хотел отдохнуть у вас.

КЛАРА (смеясь и целует его). Я пошутя, мой Родриго. Дайте я поцелую вас.

РОДРИГО. Так, моя дорогая. Так. Я устал.

КЛАРА. Вы устали? Вы хотите отдохнуть?

РОДРИГО. Я посижу у огня. Сядьте рядом со мной. Я устал. Обнимайте меня. Так. Так хорошо.

КЛАРА. Приходите ко мне чаще, Родриго. Вы отдохнете у меня.

РОДРИГО. Я буду приходить теперь часто, очень часто. Каждую среду. Хорошо? Сядьте ближе. Так. Вот. Ночью и днем, утром и вечером — одно и то же. (Засыпает.)

Клара тихо подымается, идет за ширму, берет Алонсо за руку и подводит к огню.

КЛАРА. Смотри!

Алонсо. Что?

КЛАРА. Убейте его!

Алонсо. Алонсо Энрикес не убивает беззащитных.

КЛАРА (смеясь). Ты трус!

Алонсо. Я не убью его, потому что я не трус.

КЛАРА. Тогда прочь! Мне не нужно тебя. Я сама убью его.

Алонсо. Ты не убьешь!

КЛАРА. Кто помешает мне?

Алонсо. Я. Только женщины убивают спящих.

КЛАРА. А! Хорошо! Я буду помнить.

Алонсо. Клара! Каждую среду.

КЛАРА. Что «среду»?

Алонсо. Он будет приходить к тебе каждую среду!

КЛАРА. Так что ж?

Алонсо. Одна среда будет его последней средой. Я убью его. Я возьму его живым. (К Родриго.) Укротитель не должен бояться ничего и никогда. Днем и ночью, утром и вечером. Одно и то же. Но ты боишься и ты умрешь. Мы откроем клетку, и звери разорвут тебя, укротитель!

Занавес